

Высказав всё, Нин Гуйчжу больше не нужно было беспокоиться, остальное зависело уже не от него. Вернувшись в комнату, Сюн Цзиньчжоу убрал со стола посуду и отнёс её на кухню мыть, а Нин Гуйчжу тем временем расстелил постель, снял верхнюю одежду и лёг.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся, тот уже спал. Он невольно стал двигаться тише, оставил влажный платок на краю стола и осторожно забрался на кровать. Нин Гуйчжу в полусне почувствовал его приближение, инстинктивно прижался ближе и, уткнувшись щекой в его грудь, заснул ещё крепче.

Сегодня днём они потратили больше времени на разговор о ремёслах, поэтому на отдых осталось совсем немного. Когда Сюн Цзиньчжоу разбудил его, Нин Гуйчжу всё ещё был в полусне: обнял его за талию и уткнулся лбом, пытаясь «взбодриться красотой». Но перед богом снов никакая «красота» не имела силы.

Сюн Цзиньчжоу погладил его по длинным волосам, нашёл положение удобным, слегка повернулся в сторону, взял лежавшую рядом шпильку и, подражая движениям Нин Гуйчжу, попытался собрать ему причёску.

С виду всё казалось просто, но стоило взяться, и сразу оказалось, что ничего не выходит. Провозившись какое-то время, он так и не справился, зато окончательно разбудил Нин Гуйчжу. Тот рассмеялся, перехватил его руку:

— Давай я сам. Пока ты закончишь, мне уже будет стыдно людям на глаза показаться.

Сюн Цзиньчжоу почесал нос, наблюдая, как Нин Гуйчжу несколькими лёгкими движениями ловко собрал волосы в хвост.

Пора было на занятия. Сюн Цзиньчжоу нёс его на спине по дороге, и прохожие уже привыкли к этому зрелищу, никто даже не оборачивался. Впрочем, их это и не волновало.

Когда впереди показалась ткацкая мастерская, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Сегодня встретил хозяина соусной лавки - он хочет завершить сделку по оставшейся половине рецепта. Когда у тебя будет время?

— Тогда давай сегодня после работы, — ответил Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу кивнул. Подходя к учебной мастерской, они уже немного опаздывали, и Нин Гуйчжу, желая сохранить образ учителя перед учениками, слез с его спины заранее. Сюн Цзиньчжоу посмотрел, как он входит внутрь, и только успел отойти на несколько шагов, как раздался удар гонга - начало занятий.

Днём его снова ждали обычные обходы. Заодно он передал хозяину соусной лавки, что сделка

по оставшейся половине рецепта состоится после обеда.

Раньше такие неторопливые дни казались ему расслабленными, а теперь вдруг начали навевать скуку. Сюн Цзиньчжоу шёл, размышляя об этом, как вдруг заметил торговца засахаренными ягодами и сразу переключился:

— Откуда у тебя боярышник?

Он неожиданно приблизился, и старик на мгновение опешил, а затем, задрожав, пробормотал:

— Господин батоу... вы и за это теперь отвечаете?

Сюн Цзиньчжоу:

- ...Не отвечаем.

Старик сразу с облегчением выдохнул, но тут же услышал:

— Просто спросил. Давай две палочки.

— А, а... хорошо, — поспешно отозвался он. — Это прошлогодние, из погреба, хорошо сохранились. Не такие хрустящие, как свежие, но вкус почти тот же. Вам подойдёт?

— Давай две.

Если погреб устроен как следует, в нём и правда можно долго хранить и зерно, и плоды, а боярышник и сам по себе долго не портится.

Старик протянул ему две палочки засахаренных ягод и, неловко потирая пальцы, сказал:

— Сейчас не сезон, потому подороже - по пять монет за одну.

Сюн Цзиньчжоу дал десять монет, взял угощение, но есть не стал, просто шёл дальше с обходом. Вернувшиеся приставы заметили сладости у него в руках:

— Батоу, где купили?

— Там, у старика с засахаренными ягодами, на той улице, — Сюн Цзиньчжоу указал направление. — По пять монет за палочку.

Жалованье у приставов было меньше, чем у него, но они все были холостыми, деньги держали при себе, потому цена их не смутила - шумной толпой они побежали искать торговца.

Сюн Цзиньчжоу посмотрел им вслед и крикнул:

— Потом сами возвращайтесь!

— Знаем!

Не оборачиваясь, они махнули рукой.

Сюн Цзиньчжоу же, держа в руке палочки боярышника, свернул в переулок и направился к ткацкой мастерской. Подойдя, заглянул внутрь: Нин Гуйчжу что-то тихо объяснял ученикам, и он не стал мешать.

Через некоторое время лишь по подсказке ученика Нин Гуйчжу заметил его присутствие. Поблагодарив, он быстро и тихо вышел:

— Почему ты сейчас пришёл?

Сюн Цзиньчжоу покачал перед ним сладостями и улыбнулся:

— Хоть и прошлогодние, но всё равно редкость, решил принести тебе попробовать.

— Урок идёт, где же тут есть, — укоризненно сказал Нин Гуйчжу, но, не желая обидеть, добавил: — Мне очень приятно, правда. Только сейчас не время. Отнеси в прохладное место, а вечером после занятий съедим вместе, хорошо?

Сюн Цзиньчжоу смягчился:

— Как скажешь.

Перекинувшись ещё парой слов, Нин Гуйчжу вернулся в класс, а Сюн Цзиньчжоу понёс сладости обратно в управу. Там всё было по-прежнему спокойно. Он оставил боярышник в комнате, заглянул в конюшню, навестил их мула, подбросил ему немного соломы и, взяв щётку для лошадей, принялся вычёсывать Маньтоу.

Если мул чистый и ухоженный, Чжу-гер будет ездить на нём с удовольствием.

После ещё двух обходов скучный день Сюн Цзиньчжоу наконец подошёл к концу. Он тут же взял Маньтоу, прихватил засахаренный боярышник и направился к ткацкой мастерской за Нин

Гуйчжу.

Глядя на его стремительно удаляющуюся спину, коллеги только цокнули языками:

— Вот что значит женатый человек...

Лу-чжубу, записывавший имена при отметке, улыбнулся и заметил:

— Раз так завидуете, почему бы вам самим не накопить денег и не жениться?

— Хотелось бы, да где взять?

Они засмеялись, не придавая этому особого значения. Женщин и геров не так уж много, а желающих жениться мужчин - хоть отбавляй. Если только не брать в жёны из неблагополучных семей, то тут не поторопишься.

Разговор плавно свернул в сторону:

— Интересно, когда та семья на восточной окраине разведётся? Моя мать говорила: если разведутся, она в тот же день пойдёт свататься.

— К той невестке Ли? Она же детей любит, а ты готов будешь двоих чужих растить?

— Да хоть растить. Лишь бы родила мне ребёнка.

— ...

Голоса постепенно стихли вдаль. Лу-чжубу закрыл журнал отметок и тоже задумался об этой семье. Не потому что его интересовала чужая жена, просто накануне из столицы пришёл указ, касающийся жестокого обращения в браке. Зная нрав их уездного судьи, семья на востоке вполне могла стать показательной.

Нин Гуйчжу закончил занятие вовремя, подошёл к Сюн Цзиньчжоу, взял у него боярышник в сахаре, откусил и сказал:

— Довольно вкусно. Попробуй.

С этими словами он поднёс уже надкушенную ягоду к его губам. Сюн Цзиньчжоу наклонился,

откусил одну, кивнул в знак согласия и, взяв поводья, пошёл вместе с Нин Гуйчжу.

— Как сегодня занятия? Всё прошло гладко?

— Неплохо. Те, кто быстрее учится, уже могут выпускаться. Остальным ещё дня четыре-пять потренироваться, и тоже будет нормально.

Разговаривая, они дошли до соусной мастерской. Хозяин уже ждал внутри, вместе с тем самым посредником - Ли-сюцаем.

После приветствий хозяин достал банку полуготовой бобовой пасты:

— Господин Нин, взгляните, всё ли в порядке?

Нин Гуйчжу взял ложку, зачерпнул немного, внимательно осмотрел и с улыбкой сказал:

— Сделано очень хорошо. Я сам, может, и не добился бы такого результата.

Хозяин лавки довольно усмехнулся:

— У меня тут всё под рукой. А если бы вы делали, вышло бы ещё лучше.

Нин Гуйчжу покачал головой, не продолжая обмен любезностями, и сразу перешёл к делу:

— Тогда оформим сделку? Нужно что-то ещё подготовить?

Ли-сюцай указал на стол с бумагой, чернилами и кистями:

— Всё почти так же, как в прошлый раз. На вторую половину тоже нужно составить договор и зарегистрировать его в управе.

Разумеется, регистрацией занимался посредник, Нин Гуйчжу нужно было лишь записать рецепт и подписать договор. Всё прошло быстро. Получив оставшиеся восемь лян серебра, Нин Гуйчжу заметно повеселел, а выходя из соусной лавки, сам взял Сюн Цзиньчжоу за руку.

Тот повернул голову, сжал его ладонь и с улыбкой спросил:

— Настроение хорошее?

— Ещё бы! — Нин Гуйчжу даже негромко напел пару нот. — Восемь лян! Даже если покупать только мясо, нам надолго хватит.

Разговор о деньгах напомнил ему:

— Кстати, а твоё жалованье за этот месяц?

Они уже месяц как женаты, разве не пора получать деньги?

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Надо ждать до пятнадцатого.

И пояснил:

— В прошлом месяце я взял заранее, поэтому сейчас такой перерыв.

— Понятно, — Нин Гуйчжу спросил скорее между делом и тут же переключился: — Сейчас, если пойти к мяснику, ещё можно купить мясо?

Утром они ведь решили на ужин приготовить бамбук с мясом, но Сюн Цзиньчжоу, похоже, забыл - в мешке на спине Маньтоу были только отруби и рис. Если бы Нин Гуйчжу не напомнил, он бы и дальше не вспомнил.

Почесав затылок, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Должно быть. Сходим посмотрим. Если свинью забили недавно, то мясо точно ещё есть.

От ткацкой мастерской до мясной лавки и затем к городским воротам приходилось делать крюк, поэтому Нин Гуйчжу уселся на спину Маньтоу, а Сюн Цзиньчжоу вёл его за повод, неторопливо идя рядом и время от времени откусывая подаваемый ему боярышник. На одной палочке было восемь ягод - небольших, кисло-сладких, вкусных, но если съесть много, они начинали липнуть к зубам, а кислинка становилась сильнее.

— Я больше не буду, доешь ты, — сказал Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу спросил:

— Не нравится?

— Не то чтобы не нравится... просто липнет к зубам, и под конец становится слишком кислым.

Стоило ему это сказать, как Сюн Цзиньчжоу тоже почувствовал кислинку. Он посмотрел на вторую, ещё нетронутую палочку и, немного подумав, предложил:

— Давай съедим ещё по одной ягоде, а остальное отнесём домой детям.

Нин Гуйчжу:

- ...Ладно.

Дожёвывая засахаренный боярышник, они купили на рынке два цзиня мяса и только после этого неторопливо направились обратно из уезда.

— Когда закончим с обучением приготовлению тофу, давай найдём время и построим навес, будем потом там коптить мясо, — лениво разгрызая кожицу ягоды, сказал Нин Гуйчжу, делаясь планами.

Сюн Цзиньчжоу не возражал, но добавил:

— Ты ведь давно хотел заняться туалетом. Может, сначала его привести в порядок? А копчение можно и позже.

Нин Гуйчжу задумчиво протянул:

— Хм... тоже верно.

Он быстро привыкал ко всему. К тому же, хоть домашний туалет и пах плохо, грязным он не был, потому дело откладывалось до сих пор.

Обсуждая всякие бытовые мелочи, они вернулись в деревню Сяохэ. Ещё не дойдя до дома, увидели, как трое детей с Даваном и Эрцаем уже бегут им навстречу. Сюн Цзиньчжоу бросил взгляд на их руки и протянул связку боярышника самому аккуратному - Сюн Цзиньбо:

— Раздели: тебе, брату и сестре по две, понял?

— Понял! — радостно ответил тот, сглотнув слюну. — Спасибо, дядя!

Сюн Чуаньшуй и Сюн Иньинь, жадно глядя на сладости, тоже поспешили поблагодарить:

— Спасибо, дядя! Спасибо, дядя Нин!

Правда, слова звучали невнятно - рот уже наполнился слюной. Нин Гуйчжу с улыбкой покачал головой. Проходя мимо родительского дома, они окликнули домашних и направились к своему двору.

Слезая с Маньтоу, Нин Гуйчжу взял мясо и первым пошёл на кухню. Сюн Цзиньчжоу нёс за ним рис и отруби:

— Рис положу в шкаф. А отруби можно в угол?

— Хорошо, — ответил Нин Гуйчжу.

Он отрезал часть мяса, остальное убрал в шкаф, а отрезанный кусок положил в миску. Сюн Цзиньчжоу достал принесённые утром свежие бамбуковые побеги, и вдвоём они отправились в передний дом.

— Опять мясо купили? — при виде миски с мясом у Сюн Шишаня дёрнулось веко.

С тех пор как Чжу-гер начал преподавать в уезде, мясо в доме появлялось через день да через два - ели теперь даже лучше, чем до женитьбы второго сына. Настолько, что и стар и млад уже не так жадно на него смотрели, как раньше.

Старики по натуре были бережливими: каждый раз, видя мясо, им хотелось сказать, чтобы деньги лучше откладывали - от того, что немного потерпишь, с голоду не умрёшь.

Но Чжу-гер сам зарабатывал, покупал немного, да и елось всё всей семьёй. Сказать ему что-то не хватало духу - сами ведь тоже едят, как говорится, «рот, который ел чужое, становится мягким»*. Потому слова лишь прокручивались в голове и проглатывались.

(ПП: поговорка, означающая: «Если ты принял угощение (или услугу) от кого-то, ты не можешь быть с ним строгим или критиковать его»)

Нин Гуйчжу сделал вид, что не заметил болезненного выражения на лице старика, и с улыбкой сказал:

— Да, сегодня ведь будем учить невестку делать тофу, надо начать с хорошего угощения.

Сюн Шишань: «...»

Что ни говори, человек учёный - каждый день находит новый повод поесть мяса, ни разу не

повторился.

Сюн Цзиньчжоу, глядя на выражение отца, едва сдержал смех. Оглянувшись, он заметил, как Сюн Цзиньпин тянет снаружи тележку, и поспешил помочь:

— Это что?

— Для приготовления тофу, — ответил тот. — Где Чжу-гер? Пусть проверит, всё ли есть.

— Только что на кухню ушёл.

Сюн Цзиньчжоу подхватил сзади, и они вдвоём занесли тележку прямо во двор. Нин Гуйчжу, услышав шум, вышел из кухни. Сюн Цзиньпин отступил в сторону и снова спросил, всё ли подготовлено. Нин Гуйчжу кивнул:

— Почти всё. У меня ещё осталась тонкая пеньковая ткань, отрежем кусок, и хватит.

Потом спросил:

— Соевые бобы уже замочили?

Ван Чуньхуа как раз вышла из-за его спины и ответила:

— Замочили, только немного.

Всё-таки это урожай, да ещё и первый раз - все боялись, что испортят, потому решили сначала сделать понемногу, чтобы набить руку.

Нин Гуйчжу, услышав её объяснение, кивнул:

— Это правильно, сначала руку набьёте, потом уже можно больше делать.

Перекинулись парой слов, и изнутри раздался голос Лю Цюхун - она позвала Нин Гуйчжу готовить мясное блюдо. Ван Чуньхуа заглянула внутрь, убедилась, что там без неё справятся, и, засучив рукава, пошла рассматривать только сегодня сделанную у плотника форму для тофу. Это же всё будущие деньги!

Насладившись видом формы, она только после крика из кухни о том, что пора есть, нехотя отошла от тележки.

На ужин снова была каша из сладкого картофеля. Густая, тягучая - в дни, когда нет полевых работ, это уже считалось хорошей пищей. Батат мягкий, сладкий, с разваренным рисом, даже сам по себе вкусен. Из блюд кроме обещанных Нин Гуйчжу жареных побегов бамбука с мясом, Лю Цюхун приготовила ещё омлет с зелёным луком и холодную закуску из дикорастущей зелени. С зеленью ошибиться было трудно, а вот омлет из-за экономии масла поджарился сильнее нужного и вышел ломким, но вкус от этого не пострадал.

Сытно поужинав, сегодня семья даже не стала задерживаться за столом. Быстро убрали посуду, взяли инструменты и замоченные бобы и вместе отправились в задний двор.

Когда вся семья шла вместе, их заметили, и кто-то окликнул:

— Невестка Цюхун, вы это куда направились?

Лю Цюхун весело ответила:

— Да ничего особенного, просто пойдём на задний двор кое-что сделать.

— Сделать? — женщина вспомнила слухи, что ходили по деревне в последние дни о втором супруге семьи Сюн, и не удержалась от любопытства. — А что именно?

Раз уж в будущем всё равно собирались продавать тофу, скрывать не было смысла. Лю Цюхун прямо сказала:

— Будем делать тофу. Чжу-гер видит, что в доме туговато, вот и решил научить старшего брата с невесткой ремеслу, чтобы потом могли носить коромысло и зарабатывать хоть какие-то деньги своим трудом.

Услышав это, женщина невольно пробормотала про себя: каждый день от их дома мясом пахнет, а где там «туговато» - и не видно.

Но, как ни ворчи про себя, зависти меньше не становилось. Она не удержалась:

— С такими делами у вас жизнь, видно, всё лучше и лучше пойдёт.

От этих слов Лю Цюхун сразу расцвела в улыбке. Та тётка была человеком простым и незлобным: хоть в словах и сквозила кисловатая зависть, ничего неприятного она не сказала. Увидев, что семья уже почти дошла, она попрощалась и поспешила к себе домой.

Нин Гуйчжу всё это время молча слушал. Время от времени он поднимал взгляд и встречался глазами с Сюн Цзиньчжоу, и тогда их опущенные вдоль тела руки как бы невзначай касались друг друга.

Трое детей, шедших сзади: пристально наблюдали.

Шумной гурьбой они вошли во двор. Маньтоу, виляя хвостом, подбежал было к Нин Гуйчжу или Сюн Цзиньчжоу, надеясь, что его сейчас покормят, но не успел приблизиться, как из-за людей выскочили трое человеческих детёнышей. Маньтоу замер на месте, затем развернулся и помчался в задний двор. Дети, решив, что это игра, тут же с восторгом кинулись за ним, но Маньтоу только ускорился.

Взрослые, глядя на это, расхохотались.

Инструменты и припасы сложили под навесом или у колодца. Поскольку приготовление тофу было делом несложным, Нин Гуйчжу не стал вмешиваться лично, а лишь начал отдавать указания:

— Сначала измельчите бобы.

Они пришли из переднего дома главным образом из-за их каменной мельницы. Услышав слова Нин Гуйчжу, Сюн Шишань и Сюн Цзиньпин сперва пошли мыть каменный жернов под навесом, а Нин Гуйчжу позвал Ван Чуньхуа и Лю Цюхун и повёл их в дом готовить рассол.

Для тофу используют два вида закваски: соляной рассол и гипс. Соляной рассол самый распространённый и самый простой в приготовлении. Нин Гуйчжу замочил крупную соль в холодной кипячёной воде и сказал:

— Вот так оставляем настаиваться. Когда понадобится, просто процедите через ткань пару раз.

Ван Чуньхуа уставилась на эту самую обычную миску с водой и удивлённо спросила:

— И всё? Тофу делается с помощью вот этой воды?

— Да, — с улыбкой ответил Нин Гуйчжу. — Поэтому я и говорю, что это просто.

Насмотревшись на новинку, трое, переговариваясь, вышли из кухни. Нин Гуйчжу добавил:

— Тофу на соляном рассоле получается более упругим. Когда набьёте руку и будете делать больше, я попробую достать гипс, тогда можно будет делать мягкий, нежный тофу.

— Ой, хорошо! — радостно откликнулась Ван Чуньхуа.

Увидев, что снаружи уже собрали мельницу, она тут же закатала рукава и подбежала:

— А как бобы молотить? Прямо так? С водой вместе заливать?

— Воды немного слейте, а потом просто молите, — пояснил Нин Гуйчжу.

Они боялись, что бобы не разбухнут, поэтому воды в бочке было в три раза больше, чем самих бобов.

— Тогда Чжу-гер, посмотри, сколько сливать, — сказала Ван Чуньхуа, поднимая бочку и выливая воду в яму. Нин Гуйчжу остановил её, когда стало достаточно.

После этого под жернова поставили чистое ведро, и Ван Чуньхуа с Сюн Цзиньпином начали молотить бобы. Сюн Цзиньчжоу вынес из дома табуретки, и они с Нин Гуйчжу уселись наблюдать, как старшие заняты делом. Лю Цюхун посидела немного, но не выдержала, пробормотала что-то и поднялась, направляясь в задний двор:

— С таким шумом как бы грядки не испортили.

Сюн Шишань на это сказал:

— Дети у нас послушные, не испортят.

Лю Цюхун, конечно, знала, что дети в семье послушные, но даже самые послушные порой могут натворить дел, а потому, не увидев всё своими глазами, она не могла успокоиться.

Задний двор.

Маньтоу перепрыгнул через невысокую бамбуковую ограду, посмотрел, как человеческие детёныши внутри усердно «трудятся», и довольно заржал.

Трое детей: «...»

Когда Лю Цюхун добралась до заднего двора, перед ней предстала картина: троица пытается перелезть через бамбуковый забор. Она большими шагами подошла и, схватив Сюн Чуаньшуя за зад, хорошенько отшлёпала:

— Везде лезешь! Ты что, не видишь, что у забора верх острый? А если проткнёшься?!

— Уаааа-а-а! — завыл Сюн Чуаньшуй.

Стоявшая рядом и уже готовая тоже полезть Сюн Иньин тут же втянула руку обратно, а Сюн Цзиньбо осторожно потянул Лю Цюхун за рукав:

— Бабушка, не сердись, это я не удержал младшего, лучше ругай меня.

— Причём тут ты? — Лю Цюхун сердито взглянула на старшего внука и снова шлёпнула Сюн Чуаньшуя. — Только брат тебя и прикрывает.

Услышав это, Сюн Иньин сразу возмутилась:

— Бабушка, я тоже лезла, бей и меня!

Лю Цюхун: «...»

Сюн Чуаньшуй всхлипывая добавил:

— Сестрёнка только потрогала...

Лю Цюхун: «...»

— Гляди-ка, ещё и друг друга прикрывают, — как раз в этот момент подошёл Сюн Цзиньчжоу, которого Нин Гуйчжу отправил сюда, и, услышав разговор, рассмеялся. — Ну раз вы все считаете себя виноватыми, давайте делить наказание поровну, согласны?

Дети помедлили, но всё же упрямо ответили:

— Согласны!

Сюн Цзиньчжоу приподнял бровь.

...

Под навесом трое детей выстроились вдоль стены и присели в стойку «всадника».

Сюн Цзиньчжоу с самым серьёзным видом заявил:

— Это вам наказание, но и тренировка тоже. Будете так стоять - руки и ноги окрепнут, и тогда хоть при бабушке через забор лазьте, никто слова не скажет.

У Лю Цюхун дёрнулась жилка на лбу - она уже собиралась его отругать, как дети спросили:

— А сколько стоять?

Сюн Цзиньчжоу сделал вид, что задумался:

— Если каждый день, то лет семь-восемь.

Вся семья: «...»

Через семь-восемь лет эти трое уже давно будут выше того забора.

Но дети не понимали, насколько это долго, и, услышав такую «перспективу», принялись стоять в стойке с искренним усердием.

<http://bllate.org/book/14958/1615167>